

Про Илью Муромца

Во славном было городе во Муроме,
В селе Карачарове,
Жил кресьянин Иван Тимофеевич.
У его было любимое чадо,
Его звали Ильёй.
Сидел он седунóm тридцать лет.
Как минулось ему тридцать лет —
Стал ходить на ногах крепко,
Почувствовал в себе силушку великую.
И сделал себе конскую сбрую,
Оседлал коня доброго боғатырского —
Пришел к отцу, к матери
Просить блағословения
Ехать в Киев-град Богу помолиться,
Князю поклониться,
Опраксею-королевичню посмотреть и себя показать.
Дают блағословения и говорят такие речи:
«Сын наш любезный!
Не делай обиды, не проливай крови хрисьянской!»
Видели Илью Муромца — на коня садилса,
А на поездке только куревá пошла.
Приехал он во лесá тёмны — табóр разбойницкий.
Стали наступать человек по десять и по двадцать:
Хотят коня отнять.
Илья Муромец снял с плеча тугóй лук, спустил в сырой дуб,
Стрела начала рвать в мелкие черёнья —
Тоғда эти испугались, взмолились ему:
«Удалой добрый молодец!
Бери за нашу вину сколько надобно:
Плáтье цвётное или табун лошадей!»
(Ишь, сколько награблено было!)
Илья Муромец усмехнулся:
«Если этим мне брать — некуды будет девать!»
А сказал им: «Вперёд этим отважьтесь!»
(Чтобы не грабили.)

Приехал он в Чернигов-город.

Чернигов-город сила басурманская город окружила. Хотят силушку
повырубить, Божьи
церкви под дым спустить.

Илья Муромец подумал себе: «Не честь-хвала боғатырская отдать Чернигов-
град на
поруганье!» Поворотил коня на правую руку, начал саблей рубить, конём
топтать — всю
силушку повырубил. А на главнокомандующего — голову́ отсек, воткнул
копье́ и поехал в город.

Горожане отворяют городские ворота. На одном блюде несут золотые
ключи, а на другом — золотую
казну. Берут его за белые руки и вводят в белокаменные палаты, угощают
разными кушаньями
и говорят таковы речи: «Удалый добрый молодец! Живи у нас!» Он спросил
у их: «Где у вас
прямая дорога ехать в Киев-град, которая была закладена Соловьём-
розбойником тридцать
лет?»

Он и поехал. Приехал он на реку Смородину за двадцать вёрст от Соловья-
розбойника. Услышал
Соловей-розбойник, стал свистать. Подъехал Илья Муромец ближе, а
Соловей-розбойник
начал свистать пуще прежнего. Подъехал Илья Муромец под самое
Соловьиное гнездо, которое
было на двенадцати дубах (*в картинах Вы не видали?*). Конь пал óкарачь. Но
боғатырское
сердце не утратилось. Стал бранить: «Ох ты, волчья сыть, травеной
мешок! Не бывал ты во чистом
поле, не слыхал ты вороньего карканья!» Тогда снимал он с плеч тугой лук,
накладывал он
колену́ стрелу́, спускал в сырой дуб: стрела́ попала ему в правый глаз,
Соловей-розбойник свалился
с гнезда, как овсяной сноп. Илья Муромец подхватил его и приковал к
столбу [дубовому].

На пути у Соловья-розбойника было три дочери, и было принято три зятя на их. Старшая

дочь взглянула в трубочку подозрную и сказала: «Вот наш батюшко с добычей едет, мужика везет!»

Друга сестра взглянула: «Нет, — говорит, — нашего батюшку везут у стремени прикованна!»

Стали просить: «Мужья наши милые! Подите и отоймите нашего батюшка у мужика!»

Конечно, были богатырькí: кóни добрыи. Едут навстречу к Илье Муромцу. Соловей-розбойник

был хитёр, сказал: «Зетья мои милые, не троньте и не дразните такова сильного бога́тыря! Лучше

вам от его смерть не принять — а зовите лучше пиво-вару пить!» Зетья соскочили с добрых коней

и стали просить: «Удалый добрый молодец! Пожалуйста пиво-вару пить!»

То́гда он поворотил коня

на въезд (*на взвод*) и увидал, што железная подворотня поднята на цепях над воротами (убить

умышляли). Хотели его убить. То́гда Илья Муромец увидал неправду, ткнул ей копьём — подворотня

пала. А он поехал в Киев.

Приехал он ко Владимиру-князю во двор. Поставил коня не связанного, не привязанного.

Зашол он во светлу́ гридню; молитса Спасу Пречистому, бил челом князю Владимиру, Опраксеи-

королевичне, всем могучим бога́тырям и пале́ницам преудалым. Спросил тут Владимир-князь:

«Какой ты, куда едешь?» — «Я города Мурома, села Карачарова, Иванов сын». — «Што ты

править едешь?» — «Я ехал мимо Чернигов-град, силу басурманскую очистил, с собой привёз

Соловья».

То́гда вскричал Владимир-князь: «Што ты меня оманываешь? В тридцать лет никто не мог,

а ты привёз!» А он утверждает. То́гда Добрыня Микитич и Алёша Попович попросили узнать.

Ответили, што есть. То́гда Владимир-князь приказал принести бога́тырскую

чару. Ещо хотел себя
испробовать. «Подите, Добрыня Микитич и Олёша Попович, ведите его
сюда!» Пошли они, хотели
его взять — он зашипел: «Не ваше пью-кушаю, не вас и слушаю!» Пришли,
сказали Владимиру,
што: мы не можем. То́гда Илья сказал Муромец: «Идите, скажите, што я
велел!» —
«Соловей-розбойник, тебе Илья велел ведь!» — «Сейчас готов!» — говорит.
Те привели его в
кнеженецкие полаты. Сказал Владимир-князь: «Ильюшка, хотя бы он
засвистал!» То́гда попросил
Илья Муромец кнеженецкую кúню шубу (*не надеялся на него, окаянного*).
На себя надел
ей. Владимир-князя взял под правую мышку, Опраксею-королевичню — под
левую. И говорит:
«Ну, Соловей, свисти в полсвиста, а не во весь свист!» А Соловей-розбойник
начал свистать во
всю мочь. Хотел убить всех своим свистом. Все пали. Владимир-князь
говорит: «Скажи, што полно!»
Илья вскричал — но Соловей-розбойник не остановилса! То́гда он взял его
за́ уши, ударил о
пол и убил: «Таких неверных слуг я не люблю!» Владимир-князь почтил его
первым бо́гатырём и
назначил пир.

На пиру Илья Муромец и Добрыня Микитич назва́лись назва́ными бра́тьями.
Поехали в
чистое полё себе супротивника искать. Ездили три месеца. Приехали на
роста́ни: одна из Чернигова-
города, другая — из Киева. Из Киева-города идёт кали́чка перехожа́я.
Костыль у его — косая
сажень, шляпа — бытто в тридцать пудов (*дедка говорил*). Илья
Муромец увидел его, слез с коня
и стал пошиньгивать. «Не тронь меня, старый козак Илья Муромец! Не
знашь, што в стольнем
городе деетсяя? Приехал во стольный Киев по́ганный Издоли́що (*брат
Соловья-розбойника*),
сидит у Владимира-князя за столом, а Владимир-князь слугой ходит. И
спрашива́т тебя, Илья
Муромец. Отнял он звоны́ колоко́льные, четья́-петья́ черковные. И не велит

просить милостыню
ради Христа, а велит просить ради поганого Издолища!»

Тогда сказал Илья Муромец: «Каличищо, дай платье каличье — бери у меня
платье

богатырское! На коне поёзди, а я схóжу» Сказал калика: «Кабы Добрыне
Микитичу или Олёше

Поповичу (*а Добрыня тут же!*) — не дал бы без бою, без драки, а тебе,
старому, — слову

нет!» Когда поменялись одеждою, Илья Муромец посадил калику на коня
своего и сказал: «Ходи

ступою бродóвою, а не ходóвою!» Сам пошел во Киев-град. Пришел пред
кнеженецкия полаты,

закричал громко: «Батюшко Владимир, столне-киевский князь! Пошли мне
милостыню ради

Христа!» Все испугались. Поганое Издолище вздрогнуло. «Што тако
каличищо мало громогласно!

Поди, зови его сюда!» Князь вышел и говорит: «Калика, зайди в íзбу!» Илья
Муромец зашел,

поздоровался с Владимиром-князем, с Опраксеей-королевичней, со всеми
могучими,

удалыми богáтырями. Поганому Издолищу челом не бьёт! Спросил поганый
Издолищо: «Ходишь-бродишь

по чисту полю — не видал ли там Илью Муромца?» «Видал», — говорит. —
«А

какой он есть?» — «А такой же, как и я!» — «Экокой у вас Ильюшка: я на
одну долóнь положу

— другой притя́пну!» Илья Муромец не ответил, а встал к кирпичной печке,
как калика.

Поганый Издолищо попросил есть. Принесли ему очень много — он всё съел.
Попросил он пить.

Принесли ему большой котёл воды — он взял за́ уши, весь выпил. Тогда
Илья Муромец не утерпел:

«У моёго у батюшки, — говорит, — у попа у ростовского, жила-была корова
обжорчива; ходила

по повáрням, оловíну жрала да издохла, — тебе, тотарину, та же честь
будет!»

То́гда он схватил кнеже́нецкий булатный нож, его кинул — Илья Муромец увернулса. То́гда Илья Муромец вынул из-за пазухи шляпу. «Ну, по́ганий Издоли́що, сиди, не вертись!» Кинул шляпой этой через кнеже́нецкие полаты — попа́ло в голо́ву, и два простенка вышибло. То́гда Илья Муромец сказал: «Ну, убирайте!» То́гда пошел искать калику, обменялись одеждой. Илья Муромец подарил его золотом. Приехал ко Владими́ру-кня́зю. Влади́мер-кня́зь сделал великий для его пир. После пи́ру, ко́гда все улеглись, Илья Муромец стал по кнеже́нецким полатам похаживать, стал похвастывать. Снял он с плеч собольнею шубку и шубку стал попинывать, к шубы приговаривать: «Вот как я пинаю свою кунью шубку — так бы я пинал поганого Издоли́ща туловище по чисту́ полю!» Снял он шапочку собольню, стал под ма́тицу подкидывать, к шапке приговаривать: «Как я пинаю шапочку — так бы я пинал голову по́ганого Издоли́ща по чисту́ полю!» Тут были слуги несте́рпчивы, сказали Влади́меру-кня́зю, што Илья Муромец пинал шубку и шубы приговаривал: «Как я пинаю шубочку — так стал когда ле бы пинать Влади́мера туловище!» Пинал шапочку собольню и приговаривал: «Как я пинаю шапочку — так бы стал пинать Влади́мера голову!» Влади́мер-кня́зь этому поверил, приказал посадить Илью Муромца во глубо́к погрёб, задёрнуть решотками желе́зными и закатать каменьями серыми.

Опраксе́я-королеви́чнѧ была хитра и мудра: приказала сделать ходы подземельные и тайно кормить его. Как минуло тридцать годов — наехала на город сила басурманская. Хотят силу повырубить, Опраксе́ю-королеви́чню в полон взять. Влади́мер-кня́зь осталса в печали великой. Однажды сидел он с Опраксией-королеви́чней наединке и думал: «Как — сдать город или итти войной?» Спроговорит Опраксе́я-королеви́чнѧ: «Ой еси, Влади́мер-кня́зь! Не жив ли у нас ещё

старик Илья Муромец?» Спроговорил Владимир-князь: «Кабы я не в любви с тобой жил — отсек бы по плеч тебе голову!» Повторила Опраксея-королевичня во второй раз. Сказала Опраксея-королевичня и в третий раз: «Не жив ли у нас старик Илья Муромец?» Тогда он приказал разрыть глубокий погреб. Откатили камёнья серые, отдернули железные решотки, увидали: он читает книгу Евангелъе. Тогда спроговорил Владимир-князь: «Прости меня, Илья Муромец! Выручи нас из неволюшки великой!» Илья Муромец не вымолвил. Спроговорит Опраксея-королевичня: «Ох ты ой еси, старик Илья Муромец! Выручи нас из неволи великой!» Тогда он выскочил, как ясён сокол: «Ну, Опраксея-королевичня, будь ты мне вторая мать! Выручила ты меня из смерти напрасной».

Тогда он попросил на три дня одуматься. Уговорил полки. Пошли против неприятеля войной, очистили всю силу неприятельску!

(Боле и всё.)

(Зап. А. М. Астаховой 12 июля 1928 г.: д. Большие Нисогоры Лешуконского р-на — от Иванова Филиппа Васильевича, 74 лет.)

Былины: В 25 т. / РАН. Ин-т рус. лит. (Пушкин. Дом). — СПб.: Наука; М.: Классика, 2001. Т. 3: Былины Мезени: Север Европейской России. — 2003.